

Ноября 26 (9 декабря)

Священномученики

Георгий Колоколов, Назарий Грибков

мученик

Петр Царапкин

Во время гонения на Русскую Православную Церковь в 1937 году зачастую арестовывался сразу весь причт храма – все священники, псаломщики и певчие, и в особенности если они были монахинями или послушницами.

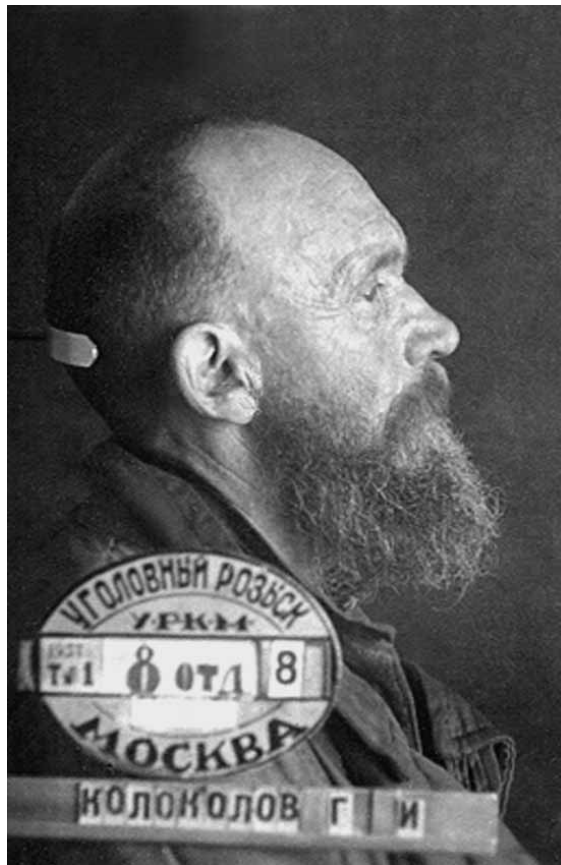
21 ноября 1937 года сотрудник НКВД допросил секретаря сельсовета в селе Туголес Шатурского района Московской области Василия Языкова, который после беседы с ним подписал показания, свидетельствующие об антисоветской деятельности священников, служивших в храме великомученицы Параскевы в этом селе: «Мне известно, что в деревне Туголес существует контрреволюционная группа церковников, в которую входят попы Назарий Грибков... Георгий Иосифович Колоколов... дьячок Царапкин, звать не помню, все они тесно связаны между собой, часто собираются у попа Назария Грибкова, среди населения ведут открытую контрреволюционную деятельность, направленную к подрыву мощи нашей страны... всю свою контрреволюционную деятельность указанная группа направляет на подрыв колхозного строительства и всех проводимых мероприятий советской властью в деревне. В уборочную кампанию умышленно затягивали службу по целым дням, тем самым тормозили ход уборочной кампании. Кроме того, открыто среди населения ведут антисоветскую агитацию, как-то: Назарий Грибков и Георгий Колоколов среди колхозников распускают разную клевету о лагерях, говорят, что советская власть, заключая людей в лагеря, не исправляет людей, а издевается над людьми; заставляют работать непосильную работу, кормят безобразно плохо, в лагерях люди мрут, никто на это не обращает внимания, условия жизни создают невыносимые, большая часть людей, осужденных и отбывающих наказание в лагерях, не выносит создаваемых условий и остается там... Дьячок Царапкин в октябре месяце колхозникам говорил: “Большевики в конституцию вписали пункт, что у нас в Советском Союзе каждый может выбирать и каждый может быть избранным. Это все ерунда, никогда этого не допустят, вы сами теперь видите, что людей начинают забирать, значит, выбирать будут не все”».

В тот же день был допрошен один из колхозников, Иван Крылов. Сотрудники НКВД вызвали его к себе, угостили водкой, дали денег на выпивку, и он подписал все, что те требовали от него: показания, аналогичные показаниям председателя сельсовета.

27 ноября сотрудники НКВД арестовали протоиерея Георгия Колоколова и псаломщика Петра Царапкина, а на следующий день – протоиерея Назария Грибкова. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму в Москве.

Священномученик Георгий родился 22 октября 1876 года в городе Москве в семье диакона Иосифа Колоколова. Окончил в 1898 году Московскую Духовную семинарию. В 1899 году он был рукоположен в сан диакона к Преображенской церкви села Спасское-Тушино Московского уезда. В 1904 году диакон Георгий был рукоположен в сан священника к Николаевской церкви села Аксиньино

Звенигородского уезда и назначен законоучителем Аксиньинского народного училища и уездной церковноприходской школы, в этой должности он состоял до 1918 года. С 1908 года он нес послушание учителя Закона Божия Липкинского училища, находившегося в том же уезде. С 1909 по 1918 год отец Георгий состоял членом Совета Звенигородско-Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского Братства.

*Протоиерей Георгий Колоколов
Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год*

В 1924 году за ревностное и усердное служение отец Георгий был награжден наперсным крестом, в 1927 году возведен в сан протоиерея, а в 1930 году награжден палицей.

В 1931 году власти арестовали его и приговорили к пяти годам заключения. Год он пробыл на каторжных работах на строительстве Беломорско-Балтийского канала, а с марта 1932 года по июнь 1933 года работал счетоводом в одном из отделений Соловецких исправительно-трудовых лагерей на лагерном пункте Сеннуха.

По возвращении протоиерея Георгия в 1933 году из заключения епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии Иоанн (Широков) назначил его настоятелем храма великомученицы Параскевы в селе Туголес. В 1934 году протоиерей Георгий был награжден наперсным крестом с украшениями, а в 1935 году – митрой.

27 ноября 1937 года власти арестовали его. Следователь спросил священника:

– Скажите, какие среди вас, Грибкова Назария Степановича и Царапкина Петра Сергеевича, существуют взаимоотношения?

– Среди меня, Грибкова и Царапкина взаимоотношения самые дружеские, все мы служим в одной церкви, я священником, Грибков вторым священником, а Царапкин псаломщиком, бываем друг у друга очень часто и ведем всевозможные деловые разговоры.

– Следствие располагает данными о том, что вы среди населения вели антисоветскую контрреволюционную агитацию против существующего строя. Признаете это?

– Я лично антисоветской контрреволюционной агитации среди населения не вел.

– Вы говорите неправду, следствие требует от вас дачи правдивых показаний. Вы вели антисоветские разговоры о непосильной жизни в лагерях и издевательствах над народом. Подтверждаете это?

– Я действительно среди населения говорил, что в лагерях жизнь мучительная, трудная и издеваются над народом, это я признаю.

Священномученик Назарий родился 22 октября 1879 года в деревне Огрызково Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Степана Грибкова. Первоначальное образование он получил в Егорьевском Хлудовском училище. В это время он стал петь в хоре мальчиков в церкви, тогда у него и обнаружились значительные певческие дарования. Через пение Назарий полюбил и саму церковную службу и в конце концов захотел стать церковнослужителем. Он окончил 5 и 6 классы Рязанской Духовной семинарии и с 1899 года стал служить псаломщиком, с 1906 года – в соборе города Егорьевска.

В 1916 году Назарий Степанович обвенчался с девицей Клавдией. Ее отец, Алексей Елисеев, был человеком в этих местах известным и состоял членом дворянского собрания. Жили Елисеевы в селе Шелогурово Егорьевского уезда. В семье у них было четыре сестры: Анна, Елизавета, Пелагия и Клавдия – и брат Петр. Из всех сестер Клавдия отличалась особой добротой.

В 1916 году епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии Амвросий (Смирнов) рукоположил псаломщика Назария в сан диакона. В 1919 году архиепископ Рязанский и Зарайский Иоанн (Смирнов) рукоположил его во священника к Богородице-Рождественской церкви села Березовка Рязанской епархии. В 1926 году отец Назарий был награжден наперсным крестом, в 1928 году возведен в сан протоиерея.

У отца Назария и Клавдии около десяти лет не было детей. Врачи убеждали ее, что, если она и будет беременна, не сможет родить из-за серьезной болезни, сердечной недостаточности. В 1926 году она забеременела. Врачи предупредили ее, если она будет рожать, то сама при этом может умереть. Клавдия выразила полное смирение перед предстоящим ей испытанием. Но мужа она попросила: «Если родится мальчик и останется жив, то назови его Николаем». Она очень почитала и любила святителя Николая.

Клавдия скончалась во время родов, но сын родился здоровым, и его в соответствии с завещанием матери называли Николаем. Первое время священник сам кормил младенца из бутылочки, а затем его взялась выкормить жившая в этом же селе женщина по имени Пелагия. Она кормила своего грудного ребенка, выкормила и сироту. Отец Назарий впоследствии всегда говорил сыну, что одна из величайших христианских добродетелей – это благодарность, и он всегда наставлял его молиться за своих благодетелей и среди них за свою кормилицу.

В это время отец Назарий служил в селе Починки Егорьевского района. Смерть жены явилась для него большим потрясением, и он попросил архиерея

перевести его в храм в другое село. В 1929 году архиепископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии Питирим (Крылов) назначил его в храм великомученицы Параскевы в село Туголес.

Когда отец Назарий переехал в село Туголес, он вместе с сыном поселился в доме Дарьи Дмитриевны Гореловой и Параскевы Александровны Степановой. Дом у них был – пятистенная изба, разделенная на две половины, одну из которых и занял священник. Дарья и Параскева стали нянями и воспитательницами его сына. Они были не родственницы, а во Христе сестры, жили дружно, любя друг друга и друг о друге заботясь. У Дарьи не было от рождения ноги до колена, Параскева с ней дружила, потом стала за ней ухаживать и ей помогать, а затем они стали и жить в одном доме. Зарабатывали они тем, что стегали одеяла и шили одежду для детей.

В селе жили и помогали в храме две монастырские послушницы, сестры Мария и Матрона Грошевы. Их в селе любили, они всех опекали и всем помогали, и в селе их называли нянями. Даже для Дарьи и Параскевы монастырские послушницы были нянями, и они их так и называли нянями. Вместе с послушницами Дарья и Параскева пели на клиросе.

Воспитанием маленького Николая были полностью заняты Параскева и Дарья. Они и научили его молиться. С большим уважением относясь к отцу Назарию, они научили мальчика одной молитве, которая поражала его тем, что все испрошенное в ней исполнялось. Молитва же была такая: «Молитвами отца моего, протоиерея Назария, Господи, помоги так-то и так-то...» Молитвами отца-мученика и прожил Николай всю жизнь.

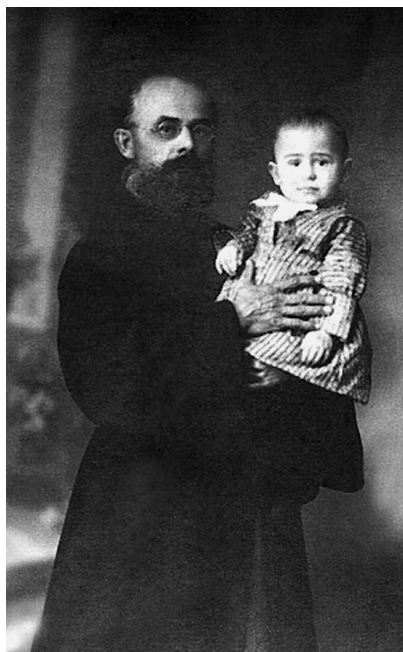
В феврале 1931 года в селе Туголес появилась странница по имени Варвара Крюкова. Родом она была из деревни Доможирово Богородского уезда Московской губернии. Придя в село Туголес, она поселилась у монахинь, прислуживавших в храме, порой ходила по деревням и тогда останавливалась у крестьян.

В начале марта местными властями стали усиленно проводиться мероприятия по самообложению крестьян и созданию колхозов. В одной из деревень, в доме, где на этот раз остановилась странница, у крестьян были отобраны за недоимку коровы. Хозяйка дома выбежала на улицу и закричала: «Уводят коров, нас разоряют, давайте отбивать скотину у сельсовета». Собралась толпа народа, которая попыталась забрать обратно у сельсовета свою скотину. Попытка эта ни к чему не привела, но стали искать виновных, и странница была заподозрена в подстрекательстве.

22 марта секретарь сельсовета арестовал ее и отправил в тюрьму в город Шатуру. При обыске у нее нашли переписанное от руки письмо религиозного содержания, а также обращение к православному народу Поместного Собора 1917 года. Это оказалось достаточным, чтобы предположить связь странницы со священниками храма села Туголес и обвинить в том, что священники занимались агитацией против создания колхозов.

23 марта были арестованы священники Пятницкого храма Назарий Грибков и Иоанн Боголепов, которому было в то время шестьдесят восемь лет, председатель церковного совета Иван Леонтьевич Панкратов, а также дочь диакона Александра Семеновна Яблонская. Ее обвинили в том, что она свидетельствовала о чуде обновления иконы. Ей принадлежал образ Черниговской иконы Божией Матери. Лик на иконе был почти не виден. Она отдала икону одной женщине, а через некоторое время та объявила, что лик на

иконе стал виден совершенно отчетливо. Икону принесли в храм, и отец Иоанн Боголепов отслужил перед ней водосвятный молебен. Впоследствии это было поставлено властями священникам в вину.

Протоиерей Назарий с сыном Николаем. 1927 год

Вызванный для допроса секретарь сельсовета, арестовавший странницу, показал, что священник Назарий Грибков «во время развернувшейся работы по коллективизации сельского хозяйства выступил с церковного амвона с проповедью, говоря, что урожай зависит от Бога. Мол, что Бог задумает, то и сделает. Этой проповедью он довел молящихся до плача. Цель же проповеди была в том, чтобы сорвать коллективизацию, так как если урожай зависит от Бога, зачем же строить колхозы, нужно только молиться и в колхоз не идти».

Будучи допрошенными, обвиняемые виновными себя не признали.

Следователей интересовали знакомства отца Назария с некоторыми людьми, а также не вели ли они с ним антисоветских разговоров. Отец Назарий со следователями держался сухо и на вопросы отвечал скупой, хотя и не без некоторой доли шутки. «В селе Туголес я проживал около полутора лет, туда я перевелся из деревни Починки по причине семейных обстоятельств. Тогда я и познакомился со священником Боголеповым, председателем церковного совета Панкратовым и Яблонской, до этого же я никого из них не знал. С момента моего переезда Боголепов и Панкратов иногда у меня бывали, в частности перед заговеньем Боголепов был у меня в гостях. Мы выпили с ним чаю и разошлись. В беседе о прошлом священник Боголепов говорил: “Вот я пришел с матушкой – проститься по старинному обычаю”. Я ответил: “В старину на масленице рыбку ели, может быть, она у кого и есть, а у меня сейчас нет, и угостить нечем”. Больше он у меня не бывал. Панкратов когда ко мне заходил, то мы говорили исключительно о церковных делах, что нет масла и тому подобного для церковных надобностей. Варвару Крюкову и Александру Яблонскую я знаю, но связи с ними никакой не имел. Об обновлении иконы и о листочке с молитвой я слышал, но кто служил молебен и кем распространялась молитва, мне неизвестно. Проповеди я говорил, но не касался советской власти и ее

мероприятий. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как антисоветской агитации я не вел и с крестьянами на политические темы не беседовал».

4 апреля следствие было завершено. В составленном обвинительном заключении следователь писал: «Дело возникло из поступивших в Шатурский Райаппарат ПП ОГПУ МО сведений о том, что в деревне Туголес Шатурского района Московской области существует антисоветская группировка, возглавляемая попом Боголеповым Иваном Андреевичем. Из этих же данных усматривалось, что названная группировка систематически проводит по деревням антисоветскую и противоколхозную агитацию среди крестьян, используя при этом религиозные убеждения, а также обрабатывает в антисоветском духе отдельных крестьян-бедняков.

Кроме этого, для более успешного осуществления своей деятельности участниками группировки в начале марта 1931 года была пущена легенда о том, что якобы имеющаяся икона у Яблонской Александры обновила свой лик, в честь чего по инициативе фигурантов группировки был отслужен в церкви торжественный молебен, с большим стечением крестьян из окружающих деревень...

В деревнях Туголес, Лузгарино, Пустошь, Черусти, Варюковка и ряде других Шатурского района в 1930-1931 годах действительно имели место случаи срыва собраний и общественно-политических кампаний и мероприятий советской власти, как, например: хлебозаготовок, сенозаготовок и скотозаготовок, коллективизации, весенне-посевной кампании и так далее.

Срывы являлись результатом организованной деятельности группы церковников и их приверженников крестьян, антисоветски настроенных, руководимых попом Боголеповым Иваном Андреевичем, – в составе и при активном участии попа Грибкова Назария Степановича, председателя церковного совета Панкрата Ивана Леонтьевича, дочери дьякона, жены умершего фельдшера Яблонской Александры Семеновны и Крюковой Варвары Николаевны.

Обвиняемые хотя и не группой в целом, но по два человека собирались преимущественно у попа Боголепова и в церковной сторожке, проводя всевозможные беседы антисоветского характера, которые впоследствии стремились прививать отдельным крестьянам с использованием их религиозных убеждений, что неоднократно успешно осуществляли на практике, на протяжении указанного периода времени...

Фигуранты группы, связавшись со странницей, распространяющей антиколхозную агитацию, Варварой Крюковой, как через последнюю, так и сами совершали обманные действия с целью возбуждения суеверия среди крестьян о чудесах, а на почве этого агитировали за невхождение в колхозы и стремились срывать мероприятия, проводимые советской властью в деревне...

В 1930 году при проведении весенне-посевной кампании поп Боголепов, стремясь сорвать это мероприятие, отказавшись от выполнения твердого задания по распахке земли, агитировал: “Выполнять это задание я не буду, это безобразие, задавили своими планами, пускай что хотят со мной делают, но усадьбу распахивать я не буду и никакого хлеба сдавать государству также не буду. Грабители заставляют нас страдать, но ладно, потерпим”.

Куранов Александр Яковлевич, секретарь сельсовета, показал: поп Боголепов использовал церковный амвон для антисоветской агитации в произносимых проповедях; агитируя против налогов 10 ноября 1930 года, заявил:

“Православные христиане, меня задавили налогами, советская власть ободрала всех священников, вот с меня сдирают 1700 рублей, ведь это грабеж”. В момент произношения таких проповедей молящиеся крестьяне в церкви плакали...

Свидетель Чистяков Максим Петрович, кандидат ВКП(б), служащий, показал: не менее важную роль играл в антисоветской деятельности и фигурант группировки председатель церковного совета Панкратов Иван Леонтьевич, который, посещая чайную села Курьяниха, систематически вел антисоветскую и противоколхозную агитацию; 16 апреля 1930 года, находясь в чайной, используя временные продзатруднения, среди крестьян агитировал: “Вот дожили, что не стало хватать хлеба при советской власти, договорились, доагитировались коммунисты, а мужики, дураки, дошлепались в ладоши, но это еще цветики, а будет еще хуже – все у нашего брата заберут, и будем с голоду сдыхать”.

20 марта 1931 года, в этой же чайной и также в связи с временными продзатруднениями, Панкратов, агитируя против коллективизации, доказывал крестьянам: “Дозвонились коммунисты, что крестьяне с голодудохнут, довела советская власть нашу страну до обнищания, но нам нужно ей давать отпор и не допускать до того, чтобы загнали в колхоз, ведь там одни антихристы, нужно Богу молиться, просить Его, чтобы Он вступился за нас, грешников”.

Волков Иван Тимофеевич, церковный сторож, бедняк, и Куранов Александр Яковлевич, секретарь сельсовета, показали: после наложения на церковный совет налога за аренду помещения обвиняемый Панкратов 22 февраля 1931 года, агитируя в помещении сельсовета, в присутствии крестьян говорил: “Что у меня, кузница что ли, где я вам столько денег возьму для уплаты налога, да хотя бы кузница была, и то на вас не накуешься, скоро и драть не с кого будет, уже и так всех ободрали, промотали коммунисты все, ничего у них нет, только на нас выезжают, уж больно им охота церковь закрыть”.

Для более успешного осуществления своей антисоветской деятельности эта группа, возглавляемая попом Боголеповым, распространила слух о якобы обновившейся иконе Божией Матери, и в марте месяце 1931 года обвиняемой Яблонской были собраны деньги с крестьян, на которые ею был заказан попом Боголепову и Грибкову торжественный молебен обновленной иконе, причем на этом молебне было большое стечение крестьян окружающих деревень...

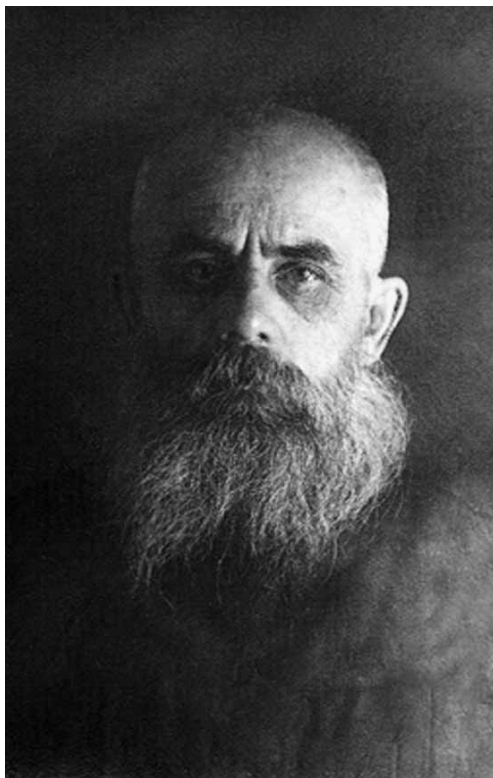
Обвиняемые виновными себя в антисоветской деятельности не признали... Являясь участниками антисоветской группировки, систематически вели антисоветскую агитацию и срывали политические и общественные мероприятия советской власти в деревне в течение 1930 и 1931 годов, а также распространяли слухи о чудесах и являются инициаторами торжественного молебна у якобы обновившейся иконы Божией Матери».

В тот же день отец Назарий написал заявление уполномоченному ОГПУ: «Я имею на руках четырехлетнего сына, оставленного в чужих людях вследствие моего ареста, можно сказать, на произвол судьбы. Сегодня, 4 апреля, мне объявлено, что следствие по моему делу закончено, и, следовательно, дальнейший ход дела едва ли хоть сколько-нибудь может изменить или отрицательно повлиять на исход его. А посему прошу впредь до суда освободить меня из-под стражи».

Но в этом ему было отказано. 10 апреля 1931 года тройка ОГПУ приговорила священников Иоанна Боголепова и Назария Грибкова к пяти годам ссылки в Казахстан, Ивана Панкратова – к трем годам ссылки. Варвара Крюкова была

приговорена к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Александра Яблонская приговорена к трем годам ссылки условно и освобождена.

После высылки отца Назария его сына Николая воспитывали Дарья и Параскева. Перед отъездом священника в ссылку они сказали ему: «Отец Назарий, не берите Колю с собой, пусть он будет у нас, и мы о нем позаботимся».

*Протоиерей Назарий Грибков
Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год*

Два с половиной года отец Назарий пробыл в Алма-Ате и два года – в Актюбинске. Из ссылки он присылал им яблоки. У них своего сада не было, и посылка священника была для них большой радостью. А однажды он прислал сыну валенки из верблюжьей шерсти, которые тот долго носил.

В 1934 году Параскева поехала с Николаем в гости к отцу Назарию в Актюбинск. Священник встретил их на перроне. За время ссылки он сильно постарел. От вокзала они шли пешком. Почти весь город был одноэтажным и построен из глины. В одной из глиняных мазанок жил отец Назарий. Он жил один и работал в то время бухгалтером. В ссылке он со многими подружился, в том числе со ссыльными офицерами царской армии. За труд в бухгалтерии отцу Назарию платили достаточно, и он не был стеснен в средствах. Параскева с Николаем прожили у него месяц.

Весной 1936 года отец Назарий вернулся из ссылки домой.

Однажды раздался стук в дверь. Параскева спросила:

– Кто там?

– Свои, – ответил отец Назарий.

Радости о возвратившемся из ссылки священнике не было конца, и Дарья тут же затеяла пироги.

Вернувшись из ссылки, протоиерей Назарий стал служить в том же храме. На каждую службу он брал с собой сына. Ставил его около северных дверей в

алтаре и объяснял, когда что нужно делать, – хотел, чтобы он помогал как алтарник. Отец Назарий, памятуя, какое значение в его жизни имело церковное пение, поначалу пытался научить ему и сына, но у того не оказалось музыкальных способностей, и обучение пению пришлось оставить. В жизни отец Назарий был гостеприимным и хлебосольным, и у него часто бывали гости, которых он щедро угощал всем, что у него было.

Духовным отцом Николая стал служивший в том же храме протоиерей Георгий Колоколов. Оба священника жили душа в душу, точно стремясь превзойти друг друга добродетелями, и между ними никогда не было никаких споров или ссор. Для Николая отец Георгий стал духовным благодетелем, и за него он впоследствии молился всю жизнь.

Это было время грозных гонений, и однажды друг отца Назария протоиерей Сергей Павлович Туриков, служивший в Богоявленском соборе в Москве, предложил ему переехать в столицу: «Отец Назарий, поехали со мной в Москву, там не так, как в деревне, преследуют и забирают священство. Оставьте сына Николая на время няням, а сам со мной поезжай».

Отец Назарий на это ответил: «Да я ни в чем не виноват, что мне бояться-то. Зачем я сына буду оставлять и куда-то уезжать? Нет, отец Сергей, я уж здесь со своими останусь».

28 ноября 1937 года протоиерей Назарий был арестован. В этот день Николай пошел вместе с деревенскими мальчишками кататься на коньках по замерзшему болоту, которое начиналось сразу же за огородами. Но катание не заладилось: что-то случилось с коньком, он отвязался от валенка и его никак не удавалось поставить на место. Николай пошел домой и, подходя, увидел, что у дома стоит грузовик, а в самом доме хозяйничают председатель сельсовета Василий Языков и два милиционера. Тут же были и Дарья с Параскевой. Отец Назарий собирал в последний путь вещи. Из особо чтимых священником икон в доме был образ, на котором было изображено явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому. С этой иконой он никогда не расставался и брал ее в ссылку в Алма-Ату и Актюбинск. И рассказывал, что молитва перед этим образом всегда была действенна и помогала ему. Перед тем как уйти, священник благословил иконой сына и передал ему ее, вручив заботу о сыне Божией Матери и преподобному Сергию.

За окном в это время шел снег, белым покрывалом устилая землю. Председатель сельсовета Языков стал притворно успокаивать сына священника:

– Коль, мы его скоро отпустим, скоро привезем.

– Я знаю вас, знаю, как вы его привезете. Никогда вы его не отпустите.

Дарья и Параскева вышли на крыльцо. Отца Назария посадили в машину и увезли. Молча смотрели женщины вслед уходящей машине. Николай не вышел из дома, а сел на кровать и горько заплакал. Долго он после этого дня горевал, вставал на венский диванчик у стены, над которым висела фотография отца, где он был изображен с сыном-младенцем на руках, и, подолгу глядя на отца, плакал.

Отца Назария в селе все любили, и эта любовь к священнику перешла на его сына. Прихожане, когда увидят его, то обязательно скажут: «Ой, это Коля, сын отца Назария». Господь с детства окружил его хорошими людьми, и он не пережил того, что пережили многие другие дети и родственники расстрелянных священников, от которых требовали, чтобы они отреклись или от отца, или от мужа. «Благодарю Бога за то, – вспоминал Николай, – что избавил меня от такого позора. За всю мою жизнь, какие бы ни приходилось мне заполнять анкеты или

писать биографию, нигде и ни перед кем я не отказывался от отца и свое происхождение не скрывал, но писал как есть».

Следователь на допросе спросил отца Назария:

– Вы знакомы с Царапкиным и Колоколовым?

– Да, я хорошо знаком. Взаимоотношения у меня с ними очень хорошие, ссоры и вражды я с ними никогда не имел.

– Следствие располагает данными о том, что вы среди населения вели активную антисоветскую контрреволюционную агитацию против советской власти. Признаете это?

– Я антисоветской контрреволюционной агитации среди населения не вел и в этом себя виновным не признаю.

Мученик Петр родился 10 декабря 1883 года в деревне Бобошино Московской губернии в семье сапожника Сергея Царапкина. Окончил церковноприходскую школу. Переехав в Москву, освоил профессию ретушера и работал в фотографических мастерских. Но главное, чему он посвящал все свободное время, было церковное пение. Он пел в хоре Данилова монастыря и во многих московских церквях. После революции 1917 года Петр Сергеевич устроился работать на завод «Искра», одновременно оставаясь регентом и организатором хоров в московских храмах. В 1933 году за принадлежность к Русской Православной Церкви власти сочли его социально опасным элементом и выслали из Москвы. С этого времени он стал псаломщиком в храмах Московской области.

В марте 1937 года Патриархия направила его псаломщиком в храм великомученицы Параскевы в село Туголес. 27 ноября 1937 года Петр Сергеевич был арестован. На допросах он виновным себя не признал.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Георгия и протоиерея Назария к расстрелу, а псаломщика Петра Царапкина – к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, где он и скончался.

Протоиерей Георгий Колоколов был расстрелян 9 декабря, а протоиерей Назарий Грибков 11 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой, оба погребены в безвестных общих могилах.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 400-417.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь». Тверь, 2003 год, стр. 242-258.